

В.И. ЛЕНИН В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ – УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ¹

© 2020 г. О. В. Волобуев

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

E-mail: volobuevov@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 29.07.2020 г.

В статье проанализированы вышедшие в 1924 г., в год смерти В.И. Ленина, некрологи и статьи современников, которые в разное время были его партнёрами и противниками по революционной деятельности. Отбор литературы как предмета исследования определялся тем, что значительная часть авторов лично знала Ленина и нередко принадлежала к критикам его взглядов и действий. Проведённый анализ позволил выявить, какие черты личности вождя большевиков они считали наиболее значимыми для понимания его политических успехов и неудач, роли в революционных событиях.

Ключевые слова: Ленин, характеристика личности, оценка революционной деятельности.

DOI: 10.31857/S0869587320090066

150 лет отделяет нас от 1870 г., когда родился В.И. Ленин, но споры о месте, роли и значении этой личности в истории России и мира продолжают до сих пор и будут идти далее. Уже в некрологах и других публикациях 1924 г. авторы социалистического направления пытались подвести предварительный итог его деяниям. Почему для нас важны эти суждения и оценки? Потому, что они принадлежат людям, как правило, знавшим Ленина, талантливым публицистам, часто его соратникам, резким полемистам, видным и заметным фигурам социал-демократического и революционно-социалистического движения. По сути, это впечатления, воспоминания, осмыс-

ление “на ходу” ленинских заявлений и поступков. Авторы публикаций высказывали отношение к большевистскому вождю искренне, не боясь последствий. Меншевистские и эсеровские авторы-эмигранты уже пережили репрессии, у Л.Д. Троцкого они были впереди.

В основу данного эссе положены редакционная статья “На смерть Ленина” в заграничном печатном органе меньшевистской партии “Социалистический вестник”; некрологи в эмигрантских изданиях – главного теоретика эсеров В.М. Чернова в еженедельнике “Воля России” (Прага), В.И. Талина в журнале правых меньшевиков “Заря”, М.Л. Слонима в “Революционной России” – печатном органе партии социалистов-революционеров, издававшемся в Праге; фрагментарный очерк Л.Д. Троцкого “О Ленине: материалы для биографа”.

М.Л. Слоним начал статью с актуального и ныне рассуждения о том, что «официальные преувеличения и казённые гиперболы дают такой же скудный материал для “итога”, как и попытка представить Ленина “ничтожнейшим преступником” и столь же преуменьшить его, сколь другие возвеличивают. Объективно судить о Ленине трудно. Это сделают потомки. Современники слишком связаны ненавистью или любовью к ленинскому делу. Мы оцениваем не только личность Ленина, но и всё, что он разрушил, и то, что он сотворил. А здесь субъективизм неизбежен, за-

ВОЛОБУЕВ Олег Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник МГОУ.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Российская история” (2020. № 2. С. 46–55).

конен, быть может, даже полезен» [1, с. 7]. Эти суждения — прекрасный эпиграф ко всей историографической лениниане. Но надежды автора на потомков не оправдались. В советской историографии доминировали “официальные преувеличения и казённые гиперболы”, в постсоветской — негативные установки. Однако не будем впадать в нигилизм: появились и достойные, хотя и не свободные от субъективизма, научные работы. В зарубежной историографии, например, можно выделить публикации английского историка Р. Сервиса [2], а в российской — В.Т. Логинова [3, 4].

Обратимся к очерку Л.Д. Троцкого. Эти наско-ро написанные воспоминания состоят из двух частей: первая посвящена “искровскому” периоду начала XX в., вторая — 1917 г. Здесь представляет интерес сопоставление Ленина-искровца и его же, уже большевистского вождя, в апогее 1917 — начала 1918 гг. Эти две биографические точки разделяли полтора десятилетия, охватившие Первую российскую революцию, Первую мировую войну и многолетие партийных “боёв”. Троцкий, в частности, привёл рассказ В.И. Засулич, которая, наблюдая споры Ленина с Г.В. Плехановым о формулировках готовившейся к утверждению программы РСДРП, дала образную характеристику этим социал-демократическим поводырям: “Жорж (Плеханов) — борзая: потреплет, потреплет и бросит, а Вы бульдог: у Вас мёртвая хватка”. Ленину очень понравилось определение “мёртвая хватка” [5, с. 13]. И Троцкий комментирует: “Засулич выразила чувственное ощущение силы Ленина”. Он не разъяснил, о какой силе речь, но это понятие можно интерпретировать как некую данность качеств вождя. Чуть далее в тексте имеется такая характеристика: “Настойчивая, упорная, попирающая все условности, ни перед чем формальным не останавливающаяся целеустремлённость, которая составляет основную черту Ленина-вождя” [там же, с. 19]. Троцкий делал упор на слово “целеустремлённость”, но можно обратить внимание и на другие определения — “попирающая все условности” и “формальное”.

Л.Д. Троцкий сравнивал Ленина и Ю.О. Мартова “искровского” периода. Ленин, “этот величайший машинист революции не только в политике, но и в теоретических своих работах, и в занятиях философией, и в изучении иностранных языков, и в беседах с людьми был одержим одной и той же идеей — целью”. В отличие от Мартова, жившего сегодняшним днём, его проблемами и заботами, Ленин, “подминая под себя сегодняшний день, врезывался мыслью в завтрашний” [там же, с. 21], “Ленин всегда готовил завтрашний день, утверждая и укрепляя день сегодняшний” [там же, с. 42]. Накануне Первой российской революции он оценивался Троцким так: “Это был

вождь, насквозь целеустремлённый и, думается, окончательно почувствовавший себя вождём, когда он в работе стал бок-о-бок со старшими, учителями и убедился, что он сильнее и нужнее”. Он почувствовал себя способным дать революции “идейную оснастку и организационный аппарат”. Неслучайно Плеханов во время II Съезда РСДРП сказал о нём: “Из такого теста делаются Робеспьеры” [там же, с. 42, 43, 45, 46]. Для Троцкого это высокая положительная оценка, для подавляющего большинства современных историков — сомнительная честь.

В 1917 г. Ленин, по словам Троцкого, “безошибочно подслушал нарастающий напор истории на буржуазию” [там же, с. 55]. Ленинские “формулы выдержали проверку”. Вождь чувствовал “голоса революции” — голоса пробуждающейся массы. Он “несокрушимо верил в то, что масса хочет и может совершить революцию”. Вскользь упомянута и “ненависть Ленина к старой России” [там же, с. 61–64], которая сопрягалась с ненавистью масс (особенно солдатской), что обеспечивало эмоциональную составляющую революции, её энергетический ресурс [6].

Характеризуя взгляды Ленина 1917–1918 гг. в разделе “Правительственная работа”, Троцкий привёл несколько показательных эпизодов. «По инициативе тов. Каменева был отменён введённый Керенским закон о смертной казни для солдат... Ленина при этом ещё не было. Дело происходило, очевидно, до его прибытия в Смольный. Когда он узнал об этом первом законодательном акте, возмущению его не было конца. “Вздор, — повторял он. — Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие ещё есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придаёт значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?”. Каменев пробовал доказывать, что дело идёт лишь об отмене смертной казни... для дезертиров-солдат. Но Ленин был непримирим. Для него было ясно, что за этим декретом скрывается непродуманное отношение к тем невероятным трудностям, которым мы идём навстречу. “Ошибка, — повторял он, — недопустимая слабость, пацифистская иллюзия и пр.” Он предлагал сейчас же отменить этот декрет. Ему возражали, указывая на то, что это произведёт крайне неблагоприятное впечатление. Кто-то сказал: лучше просто прибегнуть к расстрелу, когда станет ясным, что другого выхода нет. В конце концов, на этом остановились» [5, с. 101].

Следующий эпизод относится к началу немецкого наступления в феврале 1918 г.: «Мы начали с возвания. Написанный мною проект — “Социалистическое отечество в опасности” — обсуждался вместе с левыми эсерами. Эти последние в ка-

честве новобранцев интернационализма смутились заголовком воззвания, Ленин, наоборот, очень одобрил: “Сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!” В одном из заключительных пунктов проекта говорилось об уничтожении на месте всякого, кто будет оказывать помощь врагам. Левый эсер Штейнберг, которого каким-то странным ветром занесло в революцию и даже взметнуло до Совнаркома, восставал против этой жестокой угрозы как нарушающей “пафос воззвания”.

— Наоборот, — воскликнул Ленин, — именно в этом настоящий революционный пафос (он иронически передвинул ударение) и заключается. Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?” Это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора» [там же, с. 104].

Троцкий отметил “могучий идеализм Ленина, его напряжённую волю, которая на резком повороте двух эпох сжимала этапы и сокращала сроки. Он верил в то, что говорил. И этот фантастический полугодовой срок для социализма представляет собой такую же функцию ленинского духа, как и его реалистический подход к каждой задаче сегодняшнего дня. Глубокое и неукротимое убеждение в могущественных возможностях человеческого развития, заплатить за которое можно и должно любой ценой жертв и страданий, составляло всегда главную пружину ленинского духа” [там же, с. 112, 113]. В этом фрагменте слова о вере Ленина в свои оценки, планы, предназначения сам Троцкий отметил курсивом.

Из очерка можно почерпнуть многое, но выделить суждения о терроре как необходимом условии для победы в революции. И в этом Ленин реалист, как бывает на войне реалистом полководец, когда расправляется с пленными по тем или иным соображениям. Что касается упомянутых сроков строительства социализма — в кратчайшие исторические сроки, в каких-то полгода, — то в этом проявился его утопизм. Однако Троцкий далёк от того, чтобы критиковать Ленина. Они оба были убеждены, что пламя мировой революции вот-вот охватит земной шар.

Из числа некрологов, написанных деятелями социалистического направления, выделяется статья В.М. Чернова “Ленин”. Это, на мой взгляд, лучшая публикация аналитического характера. Из неё можно извлечь ряд кратких и ёмких оценок личности В.И. Ленина: “самый крупный характер из выдвинутых русскою революцией”; «человек “с истиной в кармане”»; “монодеизм был его слабостью и его силой”; “теоретик классово-борьбы и её апогея — гражданской войны”; “концентрированный волюнтаризм... личности”;

“политический боксёр на арене социальных распрей”; эмпирик, экспериментатор, игрок; “насмешливый, язвительный, цинический ум”; “не фейерверкер слов и образов”, не оратор, но “по-больше оратора”; “плебей по привычкам и натуре” [7, с. 14–16]. Представляется, что эта выборка определений не вызовет существенных возражений ни от идейных противников Ленина, ни от его апологетов. Перечень схватывает многое и достаточно политически корректен. Кто-то может считать неприемлемыми такие выражения, как, например, “игрок” и “цинический ум”, но это не меняет общей цельности композиционной мозаики.

Отталкиваясь от тех или иных определений, В.М. Чернов в ряде случаев разъясняет и обосновывает их, но порой этого не делает. Последнее, видимо, объясняется тем, что есть определения и заключения, которые для его современников были настолько бесспорны, что особого обоснования и не требовали. Кратко изложу положения статьи, в которых автор стремится сделать более рельефным своё понимание личности Ленина.

Почему Ленина можно назвать “некоронованным королём” возглавляемого им движения (похоже, Чернов имеет в виду не партию, а именно движение масс, включавшее партию)? Потому, что он и голова движения, и его воля, и даже его сердце. С одним добавлением: но вот ум у него холодный. И здесь Чернов рассуждает: “В политике есть лишь расчёт. В политике есть лишь одна заповедь: добиться победы. Одна добродетель: воля к власти для осуществления своей программы. Одно преступление: нерешительность, упускающая шансы успеха... А так как политика есть лишь скрытая форма войны, то правила войны суть правила политики” [там же, с. 14]. И тот, кто это усвоил, может обходиться без сентиментальности, игнорируя все этические нормы и заповеди. Отсюда для Ленина прежде всего революционный долг, рождающий бессердечность даже к себе, не говоря уже о других. Отсюда и извращённость понятия “честного политика”. Честным надо быть перед революционным долгом, а не по отношению к противнику. Ленин переносится “по ту сторону совести” — таков нравственный вердикт автора статьи.

Как и многие другие публицисты, В.М. Чернов выделял “ленинскую волю”: «Его волевой темперамент был, как стальная пружина, которая тем сильнее “отдаёт”, чем сильнее на неё нажимают» [там же]. Следуя рассуждениям и метафорам Чернова, можно сформулировать такой вывод: идеологическое начало, организационный талант и психоволевая природа личности — вот тот сплав, из которого революционные среда и одержимость извлекли “необыкновенную целостность натуры Ленина”.

Заслуживают внимания и такие рассуждения опытного и не раз битого революционными событиями эсеровского политика: “Удача венчает лишь тех, кто умеет держаться до конца даже в явно безнадежном положении”. Ленин из тех, кто умел сопротивляться неудачам и не упускать “слепого дара судьбы”. Он изобретательно изыскивал пути к выходу из сложных исторических ситуаций, нащупывал дорогу к успеху. «Он был большим мастером в оценке любой наличной политической ситуации, великолепно ориентировался в ней, метко схватывал в “текущем политическом моменте” всё, что его отличало от предыдущего, и проявлял большое практическое политическое чутьё в предвидении ближайших его политических последствий». В планировании революционного действия и быстроте реализации замысла Ленин сравнивался с фехтовальщиком. Может показаться, что Чернов восхищался политическим соперником. Возможно, такое чувство и присутствовало, но, может быть, это лишь объективная фиксация тактической гениальности соперника любого из лидеров-конкурентов.

Однако относительно стратегических способностей мнение автора иное: “И с этим непосредственным тактическим здравомыслием в необычайно резком на первый взгляд противоречии стояла абсолютная беспочвенность и фантастичность всех его прогнозов более широкого исторического размаха и всех его программных идей и планов, рассчитанных не на сегодня и не на завтра, а на целую переживаемую эпоху”. Для Чернова “гениальная прозорливость” Ленина – миф: он “не раз выводил партию из самых отчаянных ситуаций, превращался в какое-то чудо”, что приписывалось “его гениальной прозорливости, т.е. как раз тому качеству, которого у него в большом, историческом масштабе совершенно не было” [там же, с. 15]. Понимая, что это утверждение вызовет отрицание, он привёл в качестве примера аграрную программу РСДРП начала XX в. и “похищение” большевиками эсеровской аграрной программы в 1917 г. Другой пример воплощения в жизнь неудачного плана – попытка форсированного строительства социализма. Я в целом солидарен с тезисом о мифологической природе суждений о “гениальной исторической прозорливости Ленина”, однако убеждён в том, что дальнюю историческую перспективу не дано уловить ни одному человеческому уму и ни в какое время. Эпистемологический критицизм ближе к научной истине, чем футурологические прогнозы (вспомним хотя бы сравнительно недавнего пророка-футуролога Ф. Фукуяму с его “концом истории”).

От небольшого экскурса в “карательную экспедицию в область философии” (единственный некролог, в котором помянут “Материализм и

эмпириокритицизм”) В.М. Чернов перешёл к проблеме идейной диктатуры. Своё отношение он выразил так: Ленин “не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы”. Он был отвержен “чисто азиатской идее сделать печать, слово, трибуну, даже мысль монополией одной партии, возведённой в ранг управляющей касты”. Но этот “толкователь и перетолкователь” марксистской доктрины в её границах “достигал большой и своеобразной силы”, которая сказывалась “в необычайной, в абсолютной ясности, можно сказать прозрачности всех положений”, “всё конкретизировалось и упрощалось до последних пределов возможного”. В его ораторских приёмах – многократной вариации одной и той же мысли, логической нацеленности композиции на конечную цель, напористости и др. – присутствовала ещё и направленность на “наибольшее давление на волевое состояние аудитории” [там же].

Как мыслитель Ленин “не был догматиком по натуре”, но Чернову он чужд. Интеллект большевистского вождя представлялся эсеровскому теоретику лишь инструментом, подобно топору мастера в деревянном зодчестве. Он «влюблялся не в стройность и симметрию головного творчества, а лишь в успех на арене политической и революционной “игры”, где надо поймать момент и сорвать ва-банк» [там же, с. 16]. Ленин был опасен в “своей маниакальной сосредоточенности” на революции. И Чернов сравнивает его с “великим инквизителем” Т. Торквемадой. Страстно влюблённый в историческую миссию пролетариата, его гегемонию, диктатуру, Ленин в принципе оставался равнодушен к конкретной человеческой личности и её праву на обеспеченную жизнь.

Завершали некролог рассуждения о ленинском понимании диктатуры пролетариата. Он создал “восходящую систему” “диктаториальных кругов – подобных кругам Дантова ада”, которая “являлась универсальной теорией диктаториального, опекунского социализма”. Для Чернова ленинская трактовка и большевистская практика – полная противоположность научному социализму, идеал которого – система хозяйственной демократии, а не огосударствление народного хозяйства. И они (трактовка и практика) не имеют будущего, так как подвергнутся действию “неумолимых законов размагничивания и распада” [там же].

Характеристики Чернова хорошо дополняет некролог из “Социалистического вестника”. В нём идёт речь о среде, породившей феномен Ленина, о присущих русской общественности и социал-демократическому движению двух противоположностях, полюсах: марксистском европеизме и стихии полуазиатской деревенщины (“традиционные навыки к деспотическому ко-

мандованию и слепому повинению”). Выявление связи исторической личности и общественной среды — точка отсчёта в меньшевистской характеристике силы, гения и вождизма Ленина: он “был типичным сыном этой общественности. Его сила заключалась в том, что его несла её стихия; в том, что он был не из тех вождей, которые стараются поднять стихию на уровень сознательности, а из тех, которые, наоборот, становятся во главе стихии именно потому, что ей подчиняются. Его гений состоял в том, что он умел уловить все колебания стихии, её подъёмные порывы, как и судороги её разложения. Умел нащупать родственные ей струны и в мировом рабочем движении, отравленном войной, и всем этим умел воспользоваться, чтобы на этом зыбком фундаменте воздвигнуть трон своей *идее*, которая воплощалась для него *в нём самом*. Ибо *таким вождём такой стихии* только и может быть человек, который фанатично верит в свою историческую *миссию*, в свою историческую предназначенность и потому в свою непогрешимость” [8, с. 533]. Места, которые выделены курсивом авторы некролога, составляют неразрывную триаду: персонализированную идею, революционный вождизм (умение стать во главе стихии), несгибаемое мессианство.

А известны ли вожди — не популисты, “которые стараются поднять стихию на ступень сознательности”? Такие вряд ли становятся вождями. Они или не признаются в этом качестве, или отказываются от него. Вождь, как свидетельствует социальный опыт, входит в историю как популист, организатор, идеолог и зачастую пропагандист “всего лучшего”. Ни Плеханов, ни Мартов, ни Чернов вождями не стали. Их максимум — круг партийных сторонников и громкая известность в качестве талантливых политических мыслителей-идеологов, публицистов-теоретиков, авторов ярких инвектив.

Меньшевистские лидеры отметили политический гений Ленина, его фанатичную веру в себя, убеждение в том, что личная власть — орудие для переворачивания мира. По-иному можно повторить — ощущение мессианского призвания. Он обладал “свойствами вождя секты”: «Лично он был совершенно лишён тщеславия, бескорыстен в буквальном смысле этого слова — “горел идеями”. Но сквозь все его шатания и колебания, подчас поражающие своей беспринципностью и моральной неразборчивостью, сквозь все зигзаги его партийной, политической и государственной деятельности красной нитью проходит за все 30 лет один незыблемый, руководящий принцип: партия — это я! рабочий класс — это я! коммунизм — это я! государство пролетарской диктатуры — это я!» [там же]. Короткий, наспех написанный некролог (торопились дать в текущий, уже готовый номер журнала) не даёт полноты картины, но преисполнен внутренней убеждённости авторов как в

политическом гении Ленина, так и в его мессианской и диктаторской пагубности для социалистического движения.

Правые меньшевики, представленные С.О. Португейсом², отозвались на смерть Ленина довольно односторонне. В “органе социал-демократической мысли” берлинском журнале “Заря” за подписью В.И. Талина (один из псевдонимов Португейса) была опубликована статья-некролог, которая фокусировалась на проблеме “Ленин и власть”. основополагающий постулат её сформулирован так: “Не власть идеи освещала путь этого человека, а идея власти”. При этом делался упор на презрение Ленина и к соратникам, и к “человеку вообще” с оговоркой, что “массы он презирал ещё больше, чем отдельных людей”. Все организационные планы Ленина, начиная с 1902 г., строились “на идее готовых к подчинению масс”, а сама социал-демократическая организация служила для него лишь инструментом власти [9, с. 7].

Ленин, будучи лично “человеком скромным и невзыскательным”, при этом оставался “первосвященником” и “рыцарем” власти [там же, с. 8]. То, что он не терпел возражений, объясняется просто: он защищал не себя, а идею власти. Почему же таковая столь ценна? Да потому, что власть нужна для осуществления социализма. Если продолжить эту мысль, то получается, что социализм строится усилиями “пролетарского” государства, а не творческим трудом пролетарской массы. Обратно это общество можно представить в виде пирамиды, фундамент которой — пролетарская масса, верхняя часть — РКП(б), а вершина — сам Ленин. “В нём начало и конец всех путей, ведущих к социализму. Ибо Ленин овладел тайной власти. Он тайновидец власти. Он сопричастен её святому духу. Он сам материализованный её дух”. Почему же такое стало возможно в России? “В стране, не знавшей современных форм самоуправления, в которой крепко ещё сидели начала монархизма, не как политической системы, а как системы авторитарного мышления... идея власти должна была найти благодатную почву” [там же, с. 9]. Корневая система диктатуры заложена не столько в насилии, сколько в авторитарном мышлении и руководителей, и масс.

Следующий тезис автора — о “дороге, ведущей к храму”. Власть надо хотеть, власть надо любить, но её ещё надо заполучить и удержать. В умении реализовать захват власти “проявился гений Ленина”. Дорогу к власти он разглядел через бунт и рождаемый им хаос, и гений его состоял в том, что этот хаос открывал дорогу к власти. Акцент

² Почти забытого С. Португейса возвратил в ряды российских публицистов-мыслителей философ А. Кара-Мурза. См.: Кара-Мурза А.А. Первый советолог русской эмиграции: Семён Осипович Португейс (1880–1944). М.: Генезис, 2006.

делается на том, что “никогда Россия не имела столь пламенного бунтовщика, но никогда она не имела и такого пламенного жреца и чародея власти” [там же]. Заканчивается обличительная, но красиво написанная филиппика обобщающей фразой: “Так бунт, власть и презрение составляли основную гамму души Ленина”. В общем получился рентгеновский снимок, только не гениального политика, а политического скелета.

Ещё более односторонний и однотонный портрет дан в некрологе под названием “Великий неудачник” уже цитированного ранее эсеровского публициста М.Л. Слонима. В его трактовке Ленин — не теоретик, не философ, не мыслитель, ибо его характеризует догматическое мышление: “Именно формальные качества ума сильны были у Ленина: хорошая диалектика, блестящие аналитические способности, умение упростить и расчленить сложные проблемы, упорство в повторении и развёртывании основных тезисов, стремление дойти до внешне логического конца, до последнего вывода”. Итак, диалектик, аналитик, логик — но не мыслитель. Противоречие поверхностно устраняется следующим заключительным пояснением: “Не теоретик, а тактик, Ленин был искусным политическим вождём — и в этом коренилась основа и причина его успеха” [1, с. 7]. Слоним считал, что Ленину были присущи целеустремлённость и воля, он также согласен с тем, что цель всей его деятельности — власть. Овладев ею и опираясь на партийно-государственный аппарат и принуждение, верил вождь большевиков, что в России можно построить коммунизм.

М.Л. Слоним сравнил Наполеона и Ленина и выстроил их деяния в следующие ряды. У первого были не только 18 брюмера, но и пирамиды, итальянский поход, Аустерлиц, Иена. У второго — Брест-Литовск, голод, нэп и Рига. Рижский договор по потерям российской территории приравнивается к Брест-Литовскому, нэп относится к неудачам (видимо, по критерию “движение вспять”). “Что оставил Ленин России?” — вопрошал публицист и подводил печальный итог: “Насилие, угнетение, развалины, бесцельное разрушение и после короткого пира хаоса и ломки — возвращение вспять и возобновление разрушенного”. Подчёркивалось банкротство всех ленинских начинаний и ставился вопрос: с чем Ленин входит в историю? Финальная инвектива такова: “Большой властолюбец, слабый теоретик, искусный стратег, упорный фанатик и великий неудачник” [там же, с. 8].

Перечень высказываний современников можно было бы продолжить, ряд оценок, принадлежавших зарубежным деятелям культуры, приведён в статье В.П. Булдакова. Добавлю к ним ещё два голоса крупных представителей германской политической мысли. Видный социал-демократ и деятель Социнтерна К. Каутский в статье “Уро-

ки Октября” внёс в создаваемый портрет важный штрих: “В 1917 г. Ленин с его, как теперь видно, примитивным и крайним утопизмом, мог думать, что, завоевав власть, он сделает для пролетариата всё и несколькими примитивными ударами молота сколотит новое общество” [10, с. 11]. Г. Штреземан, один из участников Ноябрьской революции 1918 г. и основателей Веймарской республики, написал по просьбе газеты “Известия” отзыв, в котором указывал: “Ленин обладал великой способностью объединять все силы, направленные к одной цели, и смелостью приводить свои планы в сочетание с достижимым. В этом смысле он был гением и как таковой займёт своё место в истории” [11, с. 26].

Теперь, размышляя об исторической судьбе советского, по выражению Каутского, “сколоченного Лениным” общества, можно сделать обобщение о его чертах личности и месте в истории. Это убеждённость в правоте и научности марксизма и в правоте его собственной, ленинской, интерпретации революционного социалистического учения; крайняя революционность (некоторые современники квалифицировали её как бланкизм и якобинизм) и связанное с ней форсирование перемен (революционное нетерпение); вера в неизбежность и необходимость насилия и массового террора по отношению ко всем, кого можно причислить к врагам революции и социализма; мессианское отношение к своему революционному призванию. И с грустью заметим: перечисленные черты в той или иной степени присущи многим большим и малым революционным вождям (Мао Цзедун, Энвер Ходжа, Ким Ир Сен).

Среди индивидуальных черт отмечались мощный аналитический ум, целеустремлённость, трудолюбие, негибкость в столкновениях с трудностями, революционный дух и чутьё к настроениям и движениям народной стихии, дар нащупывания социальной опоры и политических рычагов, мобилизующих на борьбу и приводящих в движение революционный авангард и массы. Все эти качества и дарования сделали Ленина великим революционером вселенского масштаба. Но благодаря стараниям сподвижников и эпигонов, особенно последующих поколений, они привели к идеализации личности, возникновению легенд и мифов. И точно так же обусловили последующую демонизацию. Фактических обоснований для негативных суждений более чем достаточно. Деяния исторических личностей в большинстве случаев имеют тёмную, порой кровавую сторону. Утопии типа “мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем” превращают миллионы людей в рабов и подданных.

Необходимо понимать: Ленин это прежде всего революция, и его отношение к человеку всегда сшивалось и расшивалось революционными нитями. Поэтому ему легче было любить идеальный образ

пролетария, который выполняет своё историческое предназначение, чем конкретных обуховских или сормовских рабочих с их неухоженными и не страдающими ожирением жёнами и детьми.

Был ли Ленин прозорлив в своих политических планах-прогнозах? Если на этот вопрос вслед за его политическими противниками ответить “нет”, тогда логично поставить другой — почему же его считают гениальным политиком? Поэтому, видимо, что он обыгрывал своих противников и соперников. Выигрывал Ленин по многим причинам, в числе которых немалое значение имели его целеустремлённость, аналитический ум и воля, а также неожиданные, порой авантюристические ходы и прорывы. Да, в июле 1917 г. большевикам не удалось захватить власть, но спустя несколько месяцев это получилось. Да, большевики смогли удержать государственную власть и одержать победу в Гражданской войне. Да, большевики смогли построить “социалистическое государство”, то есть в краткосрочной исторической перспективе одержаны видимые достижения. Но главный итог подвело время в конце того же XX в. Социалистический проект, сопровождаемый вождизмом, жёсткой плановой экономикой, перенапряжением народных сил, отсутствием свободного волеизъявления, массовым террором, воплотился в сталинском государстве-партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Слоним М.* Великий неудачник // Революционная Россия (Прага). 1924. № 33–34. С. 6–8.
2. *Сервис Р.* Ленин. Биография / Пер. с англ. Г.И. Левитан. М.: Попурри, 2002.
3. *Логинов В.Т.* В. Ленин. Выбор пути. Биография. М.: Издательский дом “Республика”, 2005.
4. *Логинов В.Т.* Неизвестный Ленин. М.: Эксмо, Алгоритм, 2010.
5. *Троцкий Л.* О Ленине: материалы для биографа. М.: Госиздат, 1924.
6. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Росспэн, 2010.
7. *Чернов В.М.* Самый крупный характер революции // Родина. 1990. № 4. С. 14–16.
8. *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 // Меньшевики в 1922–1924 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М.: Росспэн, 2004.*
9. *Талин В.И.* У гроба Великого Диктатора // Заря. 1924. № 1. С. 7–10.
10. *Каутский К.* Уроки Октября // Социалистический вестник. 1925. № 6. С. 10–12.
11. *Политики и писатели Запада и Востока о В.И. Ленине / Под ред. Вл. Виленского (Сибирякова). М.: Общество бывших политкаторжан, 1924.*